

Н.В. Григорьева

РАННЯЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМЦЕВ В ИСТОРИИ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМА ЭТНОНИМОВ

В любых исследованиях древних юэ или каких-либо других народов, упоминаемых в письменных источниках, необходимо очень тщательно относиться к антропологическому содержанию этнонимов и всегда ставить вопрос о том, оправданно ли и целесообразно ли использование этих этнонимов в современных исследованиях. Один из основных аспектов этой проблемы — степень достоверности, с которой может быть определена лингвистическая аффиляция народов юэ.

*Вильям Мичэм*¹

До начала XX века все изложения древней истории Вьетнама строились преимущественно на информации, содержащейся в китайских письменных источниках. Упоминаемые в этих источниках этнонимы широко применялись к древнему населению страны, в целом, без серьезных попыток определения «антропологического содержания» и «лингвистической аффиляции».

В XX веке информация, почерпнутая из письменных памятников, была дополнена и частично пересмотрена с учетом археологических материалов, полученных в результате открытия

бронзовой донгшонской культуры, вьетнамского неолита, мезолита и палеолита. В течение нескольких последних десятилетий совокупность этих данных служила основой для многих исследований по древней истории Вьетнама, в том числе по ранней этнической истории и этногенезу вьетнамцев.

В то же время филологами из разных стран мира проводились масштабные исследования в области исторических, лексико-статистических и сравнительно-типологических исследований языков региона. В результате этих исследований с высокой степенью достоверности были установлены генетические связи вьетнамского языка, составлены классификации австроазитских, мон-кхмерских и вьетических языков, а также других языков Юго-Восточной Азии, обогащена информация по истории вьетнамского языка.

В связи с тем, что изучение этнических процессов может быть объективным и плодотворным лишь при междисциплинарном подходе, представляется, что настал момент, когда представление об этнической истории Вьетнама в эпоху древности должно быть скорректировано с учетом последних результатов из области исторической лингвистики. Одна из проблем, которые возникают при попытке описания этнических процессов с использованием уточненных лингвистических данных, — методологическая, связанная с отсутствием адекватных обозначений для различных этнолингвистических и этнокультурных общностей, которые были представлены на территории Вьетнама в древности.

Все существующие изложения этнической истории Вьетнама в эпоху древности не обходятся без следующих обозначений: 1) вьеты (в разных значениях) и 2) лаквьеты.

1. ВЬЕТЫ.

Под обозначением «вьет, вьеты» в современной исторической литературе применительно к эпохе древности понимают, как правило, следующие группы населения: 1) вьеты — народы юэ (вьетн. Việt), т. е. не китайские народы, населявшие в древности территории к югу от Янцзы, с которыми связывают современные тайско-кадайские, австронезийские, некоторые ав-

строазиатские, в т.ч. вьет-мыонгские, народы и народы мяо-яо; 2) вьеты — племена, населявшие в древности современную территорию Северного Вьетнама, вероятные этнические предки вьетнамцев и носители прото-вьет-мыонгских языков.

1.1. *Вьеты, народы юэ*

Народам юэ посвящена обширная исследовательская литература. К настоящему времени ученым удалось выделить и обобщить многочисленные культурные особенности этих народов², изучить, какие группы населения Южного Китая и Юго-Восточной Азии в различные периоды истории обозначались этим названием³, какие из существующих ныне языков могут быть связаны с языком (или языками) юэ⁴. Исследователям удалось собрать значительный антропологический и палеоантропологический материал по районам расселения древних юэ; в последние годы активизировались генетические исследования современных народов Южного Китая и Юго-Восточной Азии, ассоциируемых с народами юэ⁵.

Непосредственное отношение к теме нашего исследования будут иметь следующие наблюдения:

1.1.1. Обозначение «юэ», представленное в китайских источниках начиная с эпохи Восточная Чжоу, первоначально относилось к царству Юэ и его жителям. Термин «*бай юэ (сто вьет)*» появился после разгрома государства Юэ китайцами в 4 в. до н.э. и применялся для обозначения всей совокупности некитайских народов Южного Китая и северных районов Юго-Восточной Азии⁶. Для конкретизации указания на ту или иную общность, входившую в состав юэ, использовались уточняющие характеристики, связанные с какой-либо особенностью культуры или места расселения: дунъюэ, минъюэ, нанъюэ, лоюэ, оуюэ и другие. При этом, следует учитывать, что все приведенные обозначения являются экзонимами, и нам достоверно неизвестно, как они связаны с древними и современными аутонимами. На сегодняшний день, когда гипотеза об изначальном родстве аустрических языков⁷ не подтверждена, на наш взгляд, нет достаточных оснований говорить о генетическом родстве названных групп и народов юэ в целом. Таким образом, начиная с эпохи

Хань и позже, правильнее воспринимать «юэ» не как обозначение единой этнической группы, а как квазиэтноним, который использовался для обозначения разных, близких по культурным особенностям, народов Южного Китая и Юго-Восточной Азии, «как широкую культурную зону, претерпевшую значительные изменения в результате вторжения китайцев»⁸.

1.1.2. В конце XX века, когда были обнаружены и исследованы более ранние археологические культуры на территории Юго-Восточного Китая, «хронологические рамки» юэ расширились. Так, из-за отсутствия информации о предшествующем населении этих районов, обозначение юэ стало применяться к культурам и народам гораздо более ранних исторических периодов — вплоть до 5 тысячелетия до н.э.⁹ Таким образом, название «юэ», вполне «историческое», хотя и не вполне однозначное, для эпох Чжоу и Хань, было «опрокинуто» в прошлое и распространено на предшествующие культуры и, как следствие, народы. При таком использовании этого названия целесообразно говорить о том, что «юэ» — это обозначение региональной археологической культуры¹⁰.

1.1.3. Помимо примеров неоднозначного использования обозначения юэ (вьет) применительно к этническим группам эпохи древности, необходимо также иметь в виду наблюдение А.М. Решетова в плане использования этого этнонима современными этническими общностями: «...нельзя не обратить внимание, что этот древний этноним в той или иной форме бытует как самоназвание у ряда различных народов — вьетнамцев, чжуан, буи, тай и др.»¹¹

Язык юэ (вьет) — это современное название не только вьетнамского языка, но и гуандунского (кантонского) диалекта китайского языка (или «гуандунского» языка), используемое жителями Гуандуна и некоторых других районов Южного Китая.

В связи с тем, что обозначение «юэ» столь неоднозначно и разнопланово, некоторые исследователи ставят вопрос об обоснованности его использования применительно к описанию конкретных ситуаций. Так, В. Мичэм, суждения которого использованы в качестве эпиграфа к данной публикации, акцентирует внимание на следующих моментах: «Если антропологи-

ческое содержание исторического термина юэ является настолько обширным и аморфным, должно ли оно использоваться в принципе? Я вижу свою задачу не столько в том, чтобы доказать, что мы не должны использовать этот термин вовсе, сколько в том, чтобы указать на то, что мы должны проявлять должную бдительность в силу его серьезных ограничений»¹².

1.2. *Вьеты, жители древнего Вьетнама*

Аналогичные соображения высказываются и в отношении этнонима «вьет, вьеты» применительно к населению древнего Вьетнама.

1.2.1. Этноним «вьет» в этом его значении относится к племенам, которые в древности населяли современную территорию Северного Вьетнама (преимущественно в зоне дельты Красной реки и морского побережья) и входили в состав народов юэ, описанных в китайских источниках.

Принято считать, что вьеты Вьетнама обладали характерными элементами культуры юэ¹³ (что подтверждается письменными свидетельствами и археологическими материалами), а также были носителями прото-вьет-мыонгских языков (до сих пор предполагалось *a priori*). В силу описанных установок, а также в силу того, что народы, которые принято называть вьетами, в древности проживали на территориях, ставших впоследствии частью вьетнамского государства, они считаются непосредственными этническими предками современных вьетнамцев¹⁴.

Проблема несостоятельности подобных подходов и нецелесообразности использования этнонима «вьет» в отношении древнего населения Вьетнама уже поднималась некоторыми авторами. Так, К.Ю. Леонов, исследуя этническую историю Вьетнама эпохи Цзяочжи (1 тыс. н.э.), заметил: «Термин «вьет» (кит. *юэ*), которым принято обозначать цзяосцев, хорошо изучен с точки зрения его происхождения, однако его конкретное наполнение в качестве этнонима применительно к территории Северного Вьетнама в 1 тыс. н.э. вызывает одни вопросы. Известно, что китайские летописцы не пользовались в отношении населения этих мест термином «вьет» (да и не стоит попадаться на удочку нехитрой лингвистической ошибки и выводить сущест-

ование вьетнамца из существования слова «вьетнамец»), который, став самоназванием жителей страны в Средние века был, в развитие теории об исконной принадлежности территории Северного Вьетнама вьетнамцам, перенесен на цзяосцев»¹⁵. В отношении более ранних эпох в истории Вьетнама Стефан О'Харроу отмечает: «Основная проблема, с которой сталкивается историк, желающий изучить период Донгшона (VIII в. до н.э. — I в. н.э.), или даже период, предшествовавший ему как время формирования базовых характеристик вьетнамской цивилизации — это, в значительной мере, проблема дефиниций»¹⁶. В статье, посвященной Си Ниэпу, китайскому наместнику во Вьетнаме (186—227 гг. н.э.), Ст.О'Харроу видит одну из своих задач в том, чтобы «предложить подходы к достаточно туманному вопросу о том, с какого момента термин «вьетнамцы» становится полезным и, наоборот, — когда и где он может затруднять наше понимание вещей»¹⁷.

Некорректность безусловного применения этнонима «вьет, вьеты» к древнему населению Северного Вьетнама становится очевидной при изложении истории вьетнамского языка и описании языковых контактов эпохи древности.

Выше говорилось о том, что в исторической и справочной литературе сложилась традиция считать вьетов Вьетнама носителями традиционной культуры народов юэ, а также вероятными носителями прото-вьет-мыонгских языков. Вопрос о том, что эти две общности в какие-то исторические периоды не совпадали, прежде никогда не ставился. Однако результаты исследований в области исторической лингвистики свидетельствуют именно о такой ситуации.

1.2.2. К настоящему времени подавляющим большинством лингвистов, специализирующихся на языках Юго-Восточной Азии, признается отнесение вьетнамского языка к вьетической (вьетской)¹⁸ ветви мон-кхмерской группы австроазиатской языковой семьи.

Исследования вьетических языков, активно проводившиеся в последние десятилетия, показали, что максимальное разнообразие архаичных форм этих языков наблюдается в зоне горных районов нынешних вьетнамских провинций Куангчи-Куан-

гбинь-Хатинь и прилегающих к ним территорий на востоке Лаоса. Исходя из теории о том, что центром формирования того или иного языка (группы языков) является район, где наблюдается максимальное разнообразие его диалектов (близкородственных языков), ряд исследователей (Р.Дж. Чемберлен, Ж. Диффлот, М. Ферлюс, Нгуен Тай Кан, Чан Чи Зой, С.Е. Яхонтов и другие) рассматривают этот горный район вьетнамо-лаосского приграничья как историческую прародину вьетических языков.

Согласно материалам лексико-статистических исследований, осуществленных вьетнамскими лингвистами по методу М. Сводеша, выделение вьетических языков из восточной части мон-кхмерского языкового массива (условно говоря, из языковой среды прото-вьет-кату) произошло около 4000 лет тому назад¹⁹. Наиболее архаичные из ныне существующих вьетических языков подгруппы вьет-тхыт (ахэ и маленг) формировались, как предполагают вьетнамские исследователи, в течение I тысячелетия до н.э.²⁰

Из горных районов на территории нынешних провинций Куангчи-Куангбинь-Хатинь часть носителей прото-вьетических языков постепенно мигрировала к северу, в горные области современных провинций Нгеан, Тханьхоа и далее. В результате этих миграций происходил постепенный распад исходного праязыка и формирование на его основе новых вьетических языков. Возраст менее архаичных языков подгруппы понг-тхыт (май, рук, понг) оценивается приблизительно в 2 тысячи лет, языка арем — около 1,5 тысяч лет. Три языка вьет-мыонгской подгруппы — вьетнамский, нгуон, мыонг — оформились в самостоятельные языки, по мнению большинства исследователей, примерно 700—1200 лет тому назад, т. е. с период с VIII по XIII века н.э.²¹

Таким образом, если оценки лингвистов верны, то в эпоху формирования Донгшонской культуры «языковые предки» вьетнамцев вероятнее всего населяли преимущественно горные и возвышенные районы современной территории Вьетнама. Для их языка были характерны черты, которые в целом свойственны мон-кхмерским языкам и сохраняются до настоящего времени в т.н. «архаичных» вьетических языках. К числу таких особенностей следует отнести преобладание мон-кхмерской лексики, на-

личие двуслогов или стечений согласных в начале слога, возможность аффиксальных способов словообразования, неразвитость тональной системы.

Особенности культуры и мировоззрения протовьет-мыонгов нашли свое отражение в сохранившихся фрагментах вьетнамского и мыонгского фольклора, представленных, в частности, в сборнике вьетнамских легенд и преданий конца XV века «Удивительные события земли Линьнам» (Lĩnh Nam chích quái)²² и в эпическом произведении мыонгов «Рождение Земли и рождение Воды».

Как следует из материалов этих памятников, основным видом хозяйственной деятельности древних носителей протовьет-мыонгских языков, населявших районы гор и предгорий, было лесное собирательство и охота; земледелие ограничивалось овощеводством²³ и выращиванием клейкого риса, который высаживали на горных полях, а после сбора и обмолота готовили в стволах бамбука. Блюда из клейкого риса были, скорее всего, ритуальной пищей²⁴, а не повседневной, основу питания составляли корни, которые собирали в лесу и перемалывали в муку. Протовьет-мыонги не были знакомы с морской солью и вместо соли использовали золу имбирного корня²⁵. Сфера сакрального у древних вьет-мыонгов была связана с божествами и духами гор. Трудно предположить, что для протовьет-мыонгов, населявших преимущественно возвышенные территории, могли быть характерны такие традиционные для народов юэ виды деятельности как возделывание рисовых полей, заливаемых речной водой в зависимости от приливных течений моря, и мореплавание. Косвенно подтверждением этому может служить то, что упоминаний о возможных морских путешествиях в произведениях устного народного творчества вьетнамцев и мыонгов нет.

Особого внимания в контексте рассмотрения различных групп прото-вьетнамцев заслуживают изложения дошедшего до нас этногенетического мифа. В отличие от более позднего варианта мифа о происхождении вьетнамцев от брака государя-дракона Лак Лонг Куана и феи Ау Ко, зафиксированного, в частности, в летописном своде «Полное собрание исторических записей великого Вьета», в повествовании авторов «Удивительных

событий земли Линьнам» сообщается, что после разделения потомства родителями один из 50 сыновей, последовавших за матерью в горы, стал королем Хунг-выонгом 1-м (в Фонгтяу, на территории современной провинции Футхо). Таким образом, очевидно, что изначально династия полуполюгендарных-полуисторических правителей Хунгов была связана с материнской линией и локализована в горных районах, а позже, после того как миф подвергся некоторому переосмыслению, оказалась связанной с линией отца Короля-Дракона и приморскими территориями²⁶. Изначальность «горной локализации» вьет-мыонгов косвенно подтверждается мыонгской версией того же мифа, согласно которой 50 детей остались в горах и стали предками мыонгов, а 50 других, которые ушли с отцом в сторону моря, — предками вьетнамцев²⁷. При анализе двух вариантов мифа — вьетнамского и мыонгского — необходимо, учитывая, что оба они являются достаточно поздними, так как, по крайней мере, до первых веков нашей эры (а, согласно исследованиям вьетнамских ученых, — до первых веков второго тысячелетия нашей эры!) вьет-мыонгская языковая общность была едина²⁸.

Смешанный характер традиционной вьетнамской культуры, отражающий особенности жизни как в долинных районах, так и в горных, не раз отмечался исследователями, однако никогда прежде не ставился вопрос о языковой принадлежности и, соответственно, генетических связях групп населения, проживавших в какие-то исторические периоды в горах и на равнинах. Одним из первых, кто на основании результатов изучения истории вьетнамского языка связал древнее долинное население Вьетнама с носителями тайско-кадайских языков, а жителей горного края с носителями вьетических языков, был Нгуен Тай Кан, один из ведущих вьетнамских лингвистов, к сожалению, недавно ушедший из жизни. Описывая историю языковых контактов на территории Северного Вьетнама в древности, Нгуен Тай Кан обозначает контактирующие общности в соответствии с терминами используемой им лингвистической классификации (общность вьет-тхыт и общность тхай-кадай). Поскольку использование этнонима «вьет, вьеты» вряд ли продуктивно в данном контексте (в силу того, что протовьетами, вероятно, следует

считать обе названные группы), далее мы также будем использовать обозначения, принятые в языковедческих работах, полагая, что этнокультурные общности в рассматриваемой ситуации полностью сопоставимы с языковыми²⁹.

Отмечая тот факт, что многие топонимы в Северном Вьетнаме, в районах, ныне населенных носителями вьетических языков, имеют тайско-кадайское происхождение, Нгуен Тай Кан делает вывод о том, что таиязычное население этих мест было вытеснено или ассимилировано, по крайней мере, в языковом плане³⁰. По мнению ученого, контакты между носителями вьетических языков и тайско-кадайских на землях северного Вьетнама разворачивались как в русле мирного взаимодействия, так и военного противостояния. В качестве примера бесконфликтного сосуществования Нгуен Тай Кан приводит историю о женитьбе короля Хунга на девушке из тайско-кадайского рода Ма³¹. Военные столкновения между двумя этнокультурными общностями, как считает исследователь, нашли свое отражение в известной вьетнамской легенде о битве Духа гор и Духа вод. Тот факт, что победа в сражении и дочь правителя, согласно легенде, достались Духу гор³², а Дух вод был вынужден удалиться ни с чем в свое морское царство, Нгуен Тай Кан интерпретирует как усиление вьетоязычных народов и продвижение их на равнинные земли в дельтах рек, занятых прежде носителями тайско-кадайских языков³³.

Постепенная миграция носителей вьетических языков на равнины и их переход от собирательства и охоты к сельскому хозяйству, основанному на заливно-рисоводстве, оставили свой след в истории вьетнамского языка в виде многочисленных заимствований тайской лексики, связанной с земледелием, животноводством, низменными и прибрежными территориями³⁴. К числу таких заимствований, как считают вьетнамские лингвисты, могут быть отнесены, к примеру, следующие: разновидности рисовых полей (đồng, gầy), ирригационные объекты (каналы и водостоки — mương phai), орудия сельскохозяйственного труда (мотыга, борона — cuốc, bừa), сельскохозяйственные культуры (рис, чеснок, апельсин, мандарин — gạo, t?i cam, quít), удобрения (phân), урожай (mùa), названия домашних животных

(корова, курица, утка, — bò, gà, vịt) и обозначения половых различий между ними (самка, самец — con mái, con đực³⁵), а также лексика, связанная с водными объектами: река (sông), пруд, находиться в воде (ao, đằm), весло, грести (chèo), плыть (bơi)³⁶.

Взаимодействие с тайско-кадайскими языками обусловило не только заимствование специфической лексики, но глубинные процессы изменения строя вьетических языков, распространенных в Северном Вьетнаме, в результате чего и произошло выделение вьет-мыонгских языков из состава вьетических. Процессы моносиллабизации протекали во вьет-мыонгских и тайско-кадайских языках по единой схеме, так же как и в некоторых других языках материковой Юго-Восточной Азии³⁷. В результате этих преобразований во вьет-мыонгских языках произошло изменение структуры слова: исходные двусложные формы (которые до сих пор представлены в «архаичных» вьетических языках в районе вьетнамо-лаосского приграничья), через этап выпадения гласного в слабом слоге (пресиллабе) и образования консонантных кластеров, постепенно трансформировались в однослоги. Впоследствии на основе односложных структур началось формирование тональной системы, механизмы которого были впервые описаны в известной работе А.-Ж. Одрикура «О происхождении тонов во вьетнамском языке». Заслуга А.-Ж. Одрикура в области исторической лингвистики состоит в обосновании того факта, что сложение тональной системы может быть этапом в развитии нетонального языка; в описании основных механизмов тоногенеза во вьетнамском языке и убедительном предположении о том, что тоногенез во вьетнамском языке вероятнее всего был обусловлен контактом с тайскими языками³⁸.

Внешнее типологическое сходство тайских и вьет-мыонгских языков (прежде всего, по причине наличия развитой тональной системы) обусловило тот факт, что в течение длительного времени многие исследователи относили вьет-мыонгские языки к тайской языковой семье³⁹, устанавливая, соответственно, генетические связи между носителями языков. С позиций современного научного знания, вероятно, следует признать положение вещей следующим: генетически вьетнамский язык, как

и все вьет-мыонгские, и шире — вьетические языки, относится к мон-кхмерской группе австроазиатской языковой семьи; с тайско-кадайскими языками его носителей связывают очень древние и весьма тесные контакты; среди этнических предков вьет-мыонгов в период до первых веков до н.э. следует различать, как минимум, две группы: 1) культурных и «территориальных» предков — тайско-кадайское население равнинных территорий Северного Вьетнама и 2) группу языковых предков — носителей вьетических языков, до кого-то времени населявших исключительно районы гор и предгорий. Специфика описанной ситуации состоит в том, что, применительно к эпохе древности каждую из этих двух групп в научной литературе принято именовать вьетами (или протовьетами), что не способствует корректному описанию реальных процессов. Отсутствие устоявшихся обозначений для двух разных групп протовьетов, общепризнанных этнонимов, представляет собой определенного рода методологическую проблему, с которой сталкивается исследователь этнической истории древнего Вьетнама. Другой проблемой является отсутствие достоверной исторической информации о том, до кого периода эти две общности существовали достаточно изолированно друг от друга, и с какого времени мы можем говорить о процессе их слиянии в единую общность.

1.2.3. В результате освоения техники заливного рисоводства на равнинных территориях, воспринятой от тайско-кадайских народов, носители вьет-мыонгских языков постепенно приспособились к ведению хозяйственной жизни в речных долинах Северного Вьетнама. По времени этот процесс, как считает Нгуен Тай Кан, соотносим с той эпохой, когда на смену государству Ванланг пришло государство Аулак, и столица нового государства была перенесена из горной местности на территории современной провинции Футхо на равнину, в Колоа (20 км к северу от Ханоя)⁴⁰.

С предположениями Нгуен Тай Кана о возможном времени распространения вьет-мыонгских языков на равнинах Северного Вьетнама, в целом, согласуются выводы американского исследователя древней истории Вьетнама Стефана О'Харроу, которые ученый делает, отвечая на им же поставленные во-

просы: «...что приводит нас к предположению о том, что одна единственная этническая группа занимала основные равнинные районы Северного Вьетнама, когда китайцы впервые появились здесь? (в III веке до н.э — н.г.) Есть ли подтверждения тому, что в рамках этого района существовала единая материальная культура? Обозначались ли местные жители одним общим названием? Что мы можем сказать о том языке, на котором они говорили, и связан ли он с тем вьетнамским языком, который известен нам сегодня? О чем могут свидетельствовать лексические заимствования, поддающиеся датировке?...»⁴¹.

Ход рассуждений Ст.О'Харроу в связи поставленными вопросами несколько отличается от постулируемого во вьетнамской и русскоязычной исторической литературе взгляда на ситуацию в Северном Вьетнаме на рубеже новой эры. Приведем некоторые выдержки из статьи Ст.О'Харроу «Люди ху, люди хан, люди ста маней. Биография Си Ниепа и концептуализация вьетнамского общества эпохи древности» с незначительными сокращениями:

«В настоящее время имеются подтверждения, как минимум, тенденции к единству материальной культуры в течение Донгшонского периода, и того, что сама эта культура происходит непосредственно из более ранних, предшествующих веку металла, местных культур. Но Донгшонская культура характеризуется чрезвычайно широким ареалом распространения, существенно превышающим район, который считается прародиной вьетнамцев, т. е. ареалом, без всякого сомнения, объединяющим множество этнических групп той эпохи. И хотя эта тенденция к единству материальной культуры никак и не ослабляет предположение об этнической однородности в равнинной зоне Северного Вьетнама, <...> она, тем не менее, сама по себе не является сильным аргументом в пользу той идеи, в которую некоторым бы хотелось, чтобы мы поверили. При этом, существование очень значительной цитадели в Колоа, представляющей собой поздний докитайский фокус вьетнамского царства (отраженный в легендах об Ан Зыонг Вьонге), неоспоримо свидетельствует о том, что возникновение значительного политического объединения, возможно, в форме альянса, лиги или межплеменной

коалиции с центром в Колоа, требовало интенсивной коммуникации между объединившимися группами. <...>

Представляется, что местное население было способно предпринимать концентрированные совместные действия, которые трудно себе вообразить, если бы общество было «балканизировано» до уровня отсутствия взаимопонимания с лингвистической точки зрения. Подобная ситуация позволяет предположить существование какого-либо лингва-франка, даже необязательно взаимного понимания языков. <...> Протовьетнамский язык использовался как лингва-франка в межгрупповой коммуникации и, вероятно, при дворе в Колоа, так как это был язык наиболее сильной (и, скорее всего, многочисленной) местной этнической группы»⁴².

В отношении этнонимов, использовавшихся китайцами для обозначения местных жителей, Ст. Харроу приводит следующие небезынтересные наблюдения: «Названия, применяемые историками китайских династий к автохтонным народам Вьетнама, различны. В биографии Си Ниепа используется как «и» (общее обозначение восточных варваров), так «сто маней». «Мань» — специфическое обозначение южных варваров. <...>

Использование числа сто в обозначении, вероятно, предполагает существенное разнообразие народов, но здесь может быть обусловлено литературно и использоваться в качестве аллюзии к более старому названию «сто юэ», также применяемому к народам этого района. Многие исследователи в последнее время склоняются к использованию названия «лак» (вьетнамское чтение китайского «ло»), ранее относившегося к местной населенной знати, власть которой была обусловлена контролем над заливыми рисовыми полями, называемыми «лак-полями». В легендах об Ан Зыонг Вьонге появляется народ, называемый «ау» (вьетнамское чтение китайского «оу»). <...> Не углубляясь существенно в детали этого «парада имен», часть из которых, несомненно, в большей степени отражает китайское небеспристрастное восприятие региона, нежели этнографическую реальность, представляется, что два термина «ау» и «лак», а также, возможно, третье — «юэ», отражают в некотором смысле этническую специфику, причем вероятнее всего, накладыва-

ясь при этом друг на друга, а не взаимоисключая. Но, тем не менее, и что важно — они свидетельствуют о чем-то более сложном, нежели полная этническая однородность»⁴³.

Таким образом, выводы вьетнамского лингвиста и американского историка сходятся в том, что в докитайскую эпоху население Северного Вьетнама явно не было этнически однородным и что к 3 в. до н.э. протовьет-мыонгский язык приобрел статус наиболее распространенного языка среди племен, населявших долину Красной реки.

Экзонимы, применявшиеся древними китайцами в отношении населения Северного Вьетнама, весьма разнообразны; аутонимы тех времен нам практически неизвестны (кроме самоназвания мыонгов «мол/мои/муал/муан», которое означая «человек, люди» является весьма древним, имеющим связи в мон-кхмерском мире). Широко используемый в литературе этноним «вьет», соответствующий древнему экзониму и существенно более позднему (с 10-го века н.э.) аутониму, не позволяет корректно охарактеризовать этнические процессы на данной территории в эпоху древности. Немногим больше способствует прояснению ситуации и этноним «лаквьет», которым принято обозначать вьетов Вьетнама до 1-го века н.э.

2. ЛАКВЬЕТЫ

В последние десятилетия под влиянием работ вьетнамских авторов установилась традиция считать, что лаквьеты (кит. лююэ), являющиеся одной из южных групп юэ, — это аутохтонное⁴⁴ население Северного Вьетнама, создатели Донгшонской культуры и государства Ванланг, управлявшегося правителями Хунгами. В этом качестве лаквьеты представляются непосредственными предками вьетнамцев, ассимилировавшими⁴⁵ в III веке до н.э. племена тэйау и впоследствии обеспечившими сохранение древней вьетской идентичности на протяжении тысячелетнего периода китайского господства. После того, как были установлены генетические связи вьетнамского языка с мон-кхмерскими, лаквьетов также стало принято считать, «австроазиатами», носителями протовьет-мыонгских языков⁴⁶.

2.1. Лак (Lạc, кит. ло) — это самый ранний из зафиксированных в китайских памятниках специфических этнонимов, относящихся к древнему населению Вьетнама⁴⁷. В последние десятилетия большинство исследователей стран Запада склоняется к тому, что морфема «лак» связана, прежде всего, с характеристикой заливных рисовых полей, приспособленных к изменению уровня воды в близлежащих реках в зависимости от приливов и отливов моря⁴⁸, — так называемых лак-полей⁴⁹. Понятия лактыонг (Lạc trống), лакхау (Lạc hầu) и лакзан (Lạc dân) являются производными от этого значения и связанными, соответственно, с владением, управлением или обработкой заливных полей в речных долинах. Помимо этого, морфема «лак» входит в состав имени культурного героя, прародителя вьетов, короля-дракона Лак Лонг Куана, являющегося, согласно мифу, прямым потомком китайского божества-покровителя земледелия Шэн Нуна.

Принимая во внимание все сказанное выше, возникает ряд вопросов: Каким образом этноним «лак», производный от способа обустройства заливных рисовых полей в зонах, на которые распространяется действие морских приливов и отливов, может относиться к древней вьетоязычной группе, которая населяла удаленные от моря районы и поддерживала другие виды и способы земледелия? О чем может свидетельствовать мыонгский миф о разделении потомства, появившегося от брака отца-рыбы и матери-оленихи⁵⁰, сопоставимый с мифом о происхождении вьетнамцев от брака короля-дракона Лак Лонг Куана и феи Ау Ко? Почему два фольклорных персонажа почитаются у вьетнамцев в качестве покровителей земледелия — король-дракон из рода Лак, научивший народ выращивать рис на заливных полях, и Дух гор, которому «известны», помимо риса, и другие сельскохозяйственные культуры⁵¹. Почему, кроме характеристики полей и имени прародителя-дракона, связанного с морем и водной стихией, ни устная традиция вьетнамцев, ни письменные памятники не сохранили никаких других ассоциаций с морфемой лак? Почему после 1-го века н.э. китайские авторы не использовали этноним лак в отношении населения Северного Вьетнама? В силу каких причин во вьетнамской историографии и исторической литературе за пределами Вьетнама этот этноним

используется для обозначения всего древнего населения Северного Вьетнама, как минимум в течение эпохи бронзы, при том, что период использования его в китайских источниках непродолжителен — с начала эпохи Хань и до поражения восстания сестер Чынг в 43 г. н.э.⁵²

Вероятно, ответы на большую часть этих вопросов могут быть найдены, если признать, что до первых веков до нашей эры на территории Северного Вьетнама сосуществовали 2 этнолингвистические общности — прототайязычное население низовий рек, основой хозяйства которого было заливное рисоводство, с одной стороны, и протовьетязычное население возвышенных и горных районов, с другой. Этноним лак, являющийся, скорее всего, экзонимом, изначально относился к группе тайязычных, но впоследствии по мере продвижения вьетязычных на равнины, вероятно, стал применяться ко всему населению равнинной зоны и, возможно, предгорий. В пользу этого предположения может свидетельствовать тот факт, что потомками лаквьетов (лююэ), помимо вьетнамцев, считаются некоторые тайско-кадайские народы (чжуаны КНР и близкородственные им народы Китая и Северного Вьетнама, а также ли Хайнаня (самоназвание хлаи/лаи))⁵³.

Миграция части вьетязычного населения на равнины, вероятно, нашла свое отражение в мыонгском мифе о разделении потомства матери-оленихи и отца-рыбы, к которому, очевидно, восходит вьетнамский этногенетический миф о происхождении вьетнамцев от брака короля-дракона Лак и феи Ау Ко. Усиление вьетязычных на территориях северовьетнамских долин привело к постепенному вытеснению или ассимиляции предшествующего тайязычного населения. Однако заметный «тайский след» сохранился не только в земледельческих традициях вьетнамцев, но также в их языке и фольклоре. Процессы заимствования определенных пластов лексики, моносилабизации и тоногенеза, которые развивались в архаичном вьетическом языке под влиянием прототайских и обусловили выделение протовьет-мыонгского языка из массива вьетических, были описаны выше. Что же касается фольклора, то, вероятно, наличие двух героев-покровителей земледелия — короля-дракона Лак

Лонг Куана и Шон Тиня, Духа гор, — обусловлено изначально разными типами земледелия двух этнокультурных общностей в различных природных условиях. Образ Короля-дракона Лак, вероятнее всего, происходит от образа первопредка, связанного с водной стихией, почитаемого среди тайских народов⁵⁴. Ханвьетское имя этого персонажа, Лак Лонг Куан, свидетельствует о достаточно позднем его появлении в фольклорной традиции вьетнамцев. В фольклоре близкородственных вьетнамцам мыонгов этот образ отсутствует, а сопоставимые с ним образы рыбы или водяных змеев связаны с идеей чужеродности, принципиально иного, водного или подводного, мира.

Исчезновение этнонима лак из китайских записей о Северном Вьетнаме с 1-го века нашей эры может свидетельствовать об окончательном утверждении вьетязычных общностей на равнинных территориях. Перефразируя известное выражение К. Тэйлора о том, что этноним вьет не был эндогенным для Вьетнама⁵⁵, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что этноним лак не был эндогенным для вьетязычных переселенцев на равнинах Северного Вьетнама. В последующий период, в эпоху Зяоти (кит. Цзяочжи), основным этнонимом, применимым к вьетязычному населению северовьетнамских равнин, вытеснившему или ассимилировавшему прежние тайязычные общности, вероятно, следует считать этноним зяо, сохранившийся в качестве обозначения вьетнамцев среди тайских народов Вьетнама (в фонетической форме кео) и хмонгов (в фонетической форме тео, тео ти)⁵⁶.

Утвердившаяся в современной исторической литературе традиция применения этнонима лак ко всему древнему населению Вьетнама, в период со II тысячелетия до нашей эры до первых веков нашей эры, объясняется, вероятнее всего, установками вьетнамской государственной политики в «моделировании» далекого прошлого.

2.2. Вопрос о соотношении этнонима лак, названия мифического государства Ванланг и полубогини династии правителей Хунгов требует дальнейших исследований. Но уже сейчас можно отметить несколько интересных наблюдений.

В середине 1960-х годов некоторые исследователи древней истории Вьетнама высказывали осторожные предположения о том, что самоназвание жителей Ванланга могло совпадать с названием этого государства⁵⁷. Некое «племя ванланг» фигурирует и в работе А.И. Мухлинова «Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа». Автор выделяет это племя на основании анализа археологического материала и обращает внимание на то, что центр расселения этого племени находился на территории провинции Виньфу⁵⁸, на значительном удалении от морского побережья. Каких-либо развернутых характеристик общности ванланг, описаний ее взаимоотношений с лаквьетами в работе А.И. Мухлинова нет, и в таком контексте заключение о том, что «наступление на дельту р.Хонгха велось с двух основных направлений: с северо-запад, вдоль долины, ванлангцами и с юга — лаквьетами донгшона»⁵⁹ не столько проясняет ситуацию, сколько вызывает недоумение в связи с несвойственным для отечественного вьетнамоведения противопоставлением лаквьетов и жителей Ванланга.

Тогда же, в 1960-е годы, были сформулированы предположения о том, что для названия Ванланг, как и для обозначения правителей Хунгов, можно проследить этимологию и параллели в рамках австроазиатского мира⁶⁰. Несколько раньше, в 1950-е годы, Эмиль Гаспардон показал, что гипотеза Анри Масперо о том, что титул «хунг» — неверная запись иероглифа со значением «лак», вряд ли может быть поддержана. Ученый обнаружил, что обозначения лак и хунг попали в китайские памятники разными путями: морфема «лак» отражает китайское восприятие заливных рисовых полей, которое китайским авторам было, скорее всего, уже известно, а наименование «хунг» передается, вероятно, близким по звучанию к иноязычному слову иероглифом, без всяких попыток интерпретации и установления ассоциаций⁶¹.

Таким образом, есть некоторые аргументы в пользу того, что обозначения «лак, лаквьеты», с одной стороны, и «хунг», «ванланг», с другой, могли относиться к разным этнолингвистическим общностям.

Представленные наблюдения и проведенный анализ позволяют сделать следующие заключения:

1. В докитайскую эпоху население Северного Вьетнама (которое принято называть древними вьетами) включало в себя, как минимум, две крупные этнолингвистические общности — прототайско-кадайское население низменных территорий и протовьет-мыонгское население горных и возвышенных районов. В силу показанной разнородности населения применение этнонима «вьет» ко всем жителям Северного Вьетнама эпохи древности не представляется продуктивным, т. к. не позволяет разграничить названные общности и непротиворечиво описать их языковые и этнокультурные характеристики. В связи с тем, что каких-либо общепринятых этнонимов для разграничения этих общностей не существует, предлагается обозначать эти две группы населения в соответствии с терминами лингвистической классификации — прототайско-кадайсая общность и протовьет-мыонгская общность.

2. Специфика этнических процессов на территории Северного Вьетнама во второй половине I тысячелетия до н.э., а возможно, и в более ранние периоды, состояла в интенсивном прототайско-вьетском взаимодействии. Это взаимодействие было обусловлено постепенным продвижением вьетоязычных из возвышенных и горных районов на низменные территории, занимаемые прежде таиязычными, и утверждением их на этих территориях в результате освоения техники рисоводства на заливных полях. Под влиянием контактов с прототаязычным населением на территории Северного Вьетнама протекали процессы изменения строя и лексики архаичного вьетического языка, в результате чего закладывалась основа для формирования протовьет-мыонгского языка и выделения его из массива вьетических. К III веку до нашей эры протовьет-мыонгский язык был, вероятно, наиболее влиятельным языком, своего рода лингва-франка, в долине Красной реки и на прилегающих к ней возвышенных территориях. Процессы сложения этнической идентичности протовьетнамцев докитайского периода на основе прототайско-вьетского синтеза получили свое отражение в фольклорных сюжетах вьетнамцев и мыонгов.

3. Этноним «лаквьет», связанный с характеристикой заливных рисовых полей, следует ассоциировать, прежде всего, с прототайско-кадайским населением низменных территорий Северного Вьетнама, по крайней мере, в период до 3 века до нашей эры.

4. Перспективным направлением в изучении языковых и культурных предков вьетнамцев могут стать историко-лингвистические и сравнительно-типологические исследования на материале вьетических (и, в целом, мон-кхмерских) и австротайских языков. Представляется, что дальнейшие исследования в рамках гипотезы об австротайском языковом родстве и особом месте кадайских языков в этой языковой общности, могли бы пролить дополнительный свет на многие неясные места ранней этнической истории вьетнамцев, воссозданной на основе древних письменных памятников и археологических артефактов.

Примечания

¹ *Meacham, William*. Defining the Hundred Yue // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 1996. N 15. PP.93—100, P.93

² К культурным особенностям юэ, как правило, относят следующие: рисоводство как основной вид хозяйственной деятельности; широкое употребление в пищу моллюсков и земноводных; строительство домов на сваях; нанесение татуировок на тело и лицо, коротко остриженные волосы у мужчин; короткие штаны (набедренная повязка) и тюрбан как значимые компоненты одежды; окрашивание зубов или удаление нескольких зубов (чаще всего верхних передних или глазных); производство и использование в ритуальных целях бронзовых барабанов; почитание в качестве тотемов птиц, рептилий и земноводных; гадание на птичьих, чаще всего куриных, костях; широкое использование средств передвижения по воде и опыт в морских сражениях; шелководство и высокоразвитые технологии ткачества; преобладание геометрических форм в орнаменте изделий из керамики; матрилокальное поселение; присутствие мужчин при деторождении и их участие в заботе о новорожденных в целях скорейшего возвращения женщин к полевым работам. (*Barlow, Jeffrey*. <http://mccl.pacificu.edu/as/resources/zhuang/zhuang1.htm>; *Иванова Е.В.*, Дискуссионные проблемы этниче-

ской истории тайских народов // Кюнеровский сборник. Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Выпуск 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005—2006. Санкт-Петербург. 2008. С. 53—70; С. 56).

³ О том, как менялось с течением времени содержание квазиэтнонима «юэ» в китайских письменных памятниках см. *Meacham*, P.93; *Brindley, Erica*. Barbarians or Not? Ethnicity and Changing Conceptions of the Ancient Yue (Viet) Peoples, ca.400—50 BC // *Asia Major* 16.1. 2003. PP.1—32, P.10—15.

⁴ Языки юэ чаще всего связывают с прототайскими языками, реже с аустроазитскими, мяо-яо и австронезийскими: например, *Edmondson, Jerold A.* The power of the language over the past: Tai settlement and Tai linguistic in southern China and northern Vietnam // *Studies in Southeast Asian Linguistics*. Bangkok. 2007; *Norman, Jerry and Tsu-Lin Mei*. The Austroasiatics in Ancient South China: Some Lexical Evidence // *Monumenta Serica*. Volume XXXII. 1976. PP.274—301; *You, Xiuling*. Ancient Yue spoken language and rice culture (<http://http-server.carleton.ca/~bgordon/Rice/papers/youxl99c.htm>).

Как справедливо замечает Е.В.Иванова, в целом, «о языках юэ мало что известно», добавляя, что «китайцы называли их язык птичьим» (*Иванова, С.56*).

Текстов на языках юэ практически не сохранилось; единственным документальным свидетельством «языка юэ» является «Песня лодочника», записанная китайскими иероглифами и переведенная на китайский язык в 6 в. до н.э. Предпринимались попытки прочтения текста этой песни через реконструированные формы древнетайских языков, древнетямского языка и древнекитайского.

⁵ Например, *Vu-Trieu A and others*. HLA-DR and -DQB1 DNA polymorphisms in a Vietnamese Kinh population from Hanoi//*European Journal of Immunogenetics* N 24 (5). 1997. PP. 345—56; *Li Hui*. Genetic Structure of Austro-Tai Populations. PhD Thesis of Human Biology, Fudan University. 2005; *Zhao Qing and others*. Gene flow between Zhuang and Han Populations in the China- Vietnam Borderland. *Journal of Human Genetics*. N 55. 2010. PP.774—776; *Li Dongna and others*. Genetic Origin of Kadai-Speaking Gelong People on Hainan Island Viewed from Y chromosomes. *Journal of Human Genetics*. N 55. 2010. PP.462—468.

Н.Н.Чебоксаров на основании результатов самостоятельных антропологических исследований еще в 70—80-е годы прошлого столетия сделал вывод о том, что южномонголоидные черты у древних китайцев

связаны с влиянием древних юэских компонентов, «среди которых он видел предков тайских, мяо-яоских и индонезийских народов» (*Решетов А.М.*, Проблемы этнографии древних юэ в отечественной науке // Этнос и этнические процессы. Москва. 1993. СС.37—47; С.40).

⁶ В этом отношении характерно замечание Ст.О'Харроу: «В действительности, я не уверен, что древние китайские комментаторы соответствующих эпох сами ясно представляли себе, какие группы народов они обозначают названием «сто юэ», что это за народы, как они связаны между собой, где они проживают, и это обстоятельство составляет нашу проблему в настоящее время. Представляется, что к каким бы расовым корням не относились эти народы (а этот вопрос до сих пор остается нерешенным), к IV—III векам до н.э. «юэ» являли собой ряд связанных между собой племен и народов, которые распространились далеко за пределы их прежней локализации в прибрежных районах Южного Китая» (*O'Harrow, Stephen.* From Co-loa to the Trung Sisters' Revolt: Viet-Nam as the Chinese Found It // Asian Perspectives XXII/2. 1979. PP.140—164, P.143).

⁷ Понятие аустрических языков связано с гипотезой об аустрической языковой семье, объединяющей основные языки Юго-Восточной Азии — австроазиатские, австронезийские, таи-кадайские и мяо-яо. Идеи о родстве этих языков многократно высказывались и опровергались в течение XX века. К настоящему времени большинство лингвистов придерживается мнения о том, что родство аустрических языков не может быть признано до тех пор, пока не будут установлены регулярные фонетические соответствия между сопоставимыми формами.

Одним из элементов аустрической гипотезы можно считать аустротайскую гипотезу, предполагающую генетическое родство тайских и австронезийских языков. Аустротайская гипотеза в последние десятилетия получает все большую доказательную базу и поддержку исследователей (*Пейрос И. И.*, Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток. Этнокультурные связи. Москва. 1988. СС. 319—332; *Sagart, Laurent.* The higher phylogeny of Austronesian and the position of Tai—Kadai // Oceanic Linguistics. 2004. № 43. PP. 411—440 и другие)

⁸ *Иванова, С.* 56.

⁹ Например, *Лантев С.В.* Предыстория и история народов Вьет: археология нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. Москва. 2006.

¹⁰ *Peters, Heather.* Tattooed Faces and Stilt Houses: Who Were the Ancient Yue? // Sino-Platonic Papers. N 17. 1990. PP.1—27, P.10.

¹¹ *Решетов.* Указ. соч. С.42.

¹² *Meacham.* Op cit. P. 99.

¹³ См. сноску 2.

¹⁴ Экзоним «вьетнамцы», повсеместно используемый за пределами Вьетнама начиная со второй половины XX столетия, очевидно связан с названием современного государства. Это название страны впервые было официально установлено в 1804 г. при императоре Зя Лонге, однако просуществовало недолго — до 1813 г. Название государства «Вьетнам» было восстановлено в 1945 г. и с тех пор используется для обозначения всех существовавших и существующих государственно-политических образований в рамках современных границ СРВ.

В современной административной практике СРВ «вьетнамец (người Việt Nam)» — это обозначение гражданства, а не указание на этническую принадлежность. Для обозначения этнической идентификации большинства жителей страны в документах и в специальной литературе принято использовать этнонимы, соответствующие самоназваниям, кинь (Kinh) или вьет (Việt).

¹⁵ *Леонов К.Ю.*, Этнический состав населения Цзяо по данным внешних анналов Тоан Тхы // Три четверти века. Д.В.Деопику — друзья и ученики. Москва. 2007. СС. 93—113; С. 94

¹⁶ *O'Harrow, Stephen.* Men of Hu, Men of Han, Men of the Hundred Man // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Tome 75. 1986. PP.249—266. P. 251.

¹⁷ Ibid. P. 251.

¹⁸ Вьетические (или вьетские, от английского Vietic) языки — название, сменившее прежнее название «вьет-мыонгские языки». Это название было введено в научный оборот в 1992 «в целях достижения большей ономастической и таксономической ясности» (*Hayes, L.V.H.* Vietic and Viet-Muong: a new subgrouping in Mon-Khmer // Mon-Khmer Studies. N21. 1992. PP. 211—228, P.220). В последнее время под названием «вьетические (вьетские) языки» принято обозначать всю группу языков, генетически родственных вьетнамскому. Под вьет-мыонгскими языками в современной лингвистической литературе принято понимать лишь несколько наиболее нетипичных мон-кхмерских языков из числа вьетических — вьетнамский, мыонгский и язык нгуон. Остальные вьетические языки, сохраняющие двусложные структуры или начальнотактовые консонантные кластеры и не имеющие развитой то-

нальной системы, относят к подгруппе «архаичных» (*Ferlus, Michel. Sur l'origine géographique des langues Viet-Muong // Mon-Khmer Studies. N8—19.1989. pp. 52—59, p.52*); некоторые вьетнамские авторы называют их языками понг-тхыт.

Нгуен Тай Кан использует для вьетических языков обозначение «языки вьет-тхыт» и описывает место вьетнамского языка в генетической классификации следующим образом: «На основании научных достижений, свершившихся в течение нескольких последних десятилетий, в настоящее время можно обоснованно заключить: вьетнамский язык — это один из языков вьет-мыонгской подгруппы, ветви вьет-тхыт, относящейся к языковому блоку вьет-кату восточного подразделения мон-кхмерского раздела австроазиатской языковой семьи» (*Nguyễn Tài Cẩn. Giáo trình lịch sử ngữ âm tiếng Việt (sơ thảo). Hà Nội. 1995. Tr.316*). Схематично Нгуен Тай Кан представляет состав вьетических языков следующим образом: «вьет-мыонг + понг-тхыт = вьет-тхыт» (*Ibid, Tr.316*). Используя систему обозначений, принятую в литературе на европейских языках, схему, предложенную Нгуен Тай Каном, можно было бы записать так: «вьет-мыонгские + архаичные вьетические = вьетические языки».

¹⁹ *Nguyễn Tài Cẩn, Tr.317*

²⁰ *Ibid.*

²¹ В «Курсе исторической фонетики вьетнамского языка» Нгуен Тай Кан приводит следующие цифры, характеризующие возраст вьетических языков, определяемый по методу М.Сводеша: ахэ, маленг — 2300—3200 лет; понг — 2200 лет; май, рук — 1600—2000 лет; арем — 1300—1800 лет; вьетнамский, мыонгский, нгуон — 700—1200 лет.

Чан Чи Зой, выделяя период древневьетнамского языка, датирует разделение вьет-мыонгского языка на вьетнамский и мыонгский концом XIII — началом XIV века (*Trần Trí Dõi. Giáo trình lịch sử tiếng Việt (sơ thảo). Hà Nội. 2005. Tr.190—191*).

И.И. Пейрос, вслед за М.Ферлюсом (*Ferlus, Michel. Langues et peuples viet-muong // Mon-Khmer Studies. 1996. N26. pp.7—28, p.12*), представляет состав вьетической ветви несколько иначе, выделяя языки и группы языков следующим образом: 1. Языки и диалекты маленг; 2. Язык арем; 3. Группа тхыт (включая сать, саланг, рук, май); 4. Группа тхавынг; 5. Группа хунг (включая языки и диалекты понг, тум, данлай (лиха)); 6. Группа тхо (куой и мон) 7. Язык нгуон и диалекты мыонг; 8. Вьетнамский язык (*Пейрос И.И.* Генетическая классификация австроазиатских языков. Диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук (рукопись). Москва. 2004. С.15). По мнению И.И. Пейроса, вьетнамский и другие вьет-мыонгские языки несколько «старше», чем их представляют вьетнамские языковеды: «генетическое древо вьетских языков», содержащееся в приложении к диссертационному исследованию И.И.Пейроса, показывает обособление вьет-мыонгских языков от остальных вьетических в I-м веке до н.э., а расхождение вьетнамского и других вьет-мыонгских языков — в конце 2-го века нашей эры. Вероятно, нельзя исключать, что при определении датировок И.И.Пейрос в большей степени ориентировался на исторический контекст, нежели на собственно языковой материал, как это делали вьетнамские исследователи.

В вопросах определения времени распада корневых языков и формирования дочерних языков к датировкам Нгуен Тай Кана и вьетнамских лингвистов близки датировки Л.В.Хэйза: разделение на протопонг-тхыт и протовьет-мыонгские языки он датирует временем около 570 г. н.э. ±250 лет, а распад протовьет-мыонгского на протовьетнамский и протомыонг-нгуон — периодом 1255 г. н.э. ±165 лет (*Hayes, P.219*).

²² Другой вариант русскоязычного перевода этого названия — «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» (*Кнорозова Е.Ю.* Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. Санкт-Петербург. 2009. С. 43—48).

²³ Большое значение в структуре питания и в ритуальной сфере жизни протовьет-мыонгов имели тыквенные культуры (*Стратанович Г.Г.* Этногенетические мифы об исходе из яйца или тыквы у народов Юго-Восточной Азии // Этническая история и фольклор. Москва. 1977. С. 62—63).

²⁴ Ср. предание о «Новогодних пирогах» (например, *Кнорозова Е.Ю.* Мифы и предания Вьетнама. Санкт-Петербург. 2000. С. 97—98).

²⁵ по материалам *Linh Nam chích quái; Nguyễn Tài Cẩn, Tr. 320*.

²⁶ *Taylor, Keith. The Birth of Vietnam. 1983. P. 303.*

²⁷ Мыонгский вариант мифа отличается от вьетнамского следующими деталями: 1. Родители 100 детей в меньшей степени обладают антропоморфными чертами: это не Король-Дракон и фея, а Карп и Олениха, причем мать-Олениха представляется в этой паре доминирующей фигурой, привязанной к горной местности; 2. Среди 100 родившихся детей оказались не только сыновья, но и дочери (50 мальчиков и 50 девочек); 3. Поделенные между родителями дети, стали предками мыонгов (в горах) и вьетамцев (на равнинах).

²⁸ См. сноску 21 о возможных датировках распада вьет-мыонгской языковой общности.

У мыонгов, помимо мифа о разделении потомства карпа и оленихи, существует другой этногенетический миф, более древний и более характерный для мон-кхмеров, связывающий происхождение их народа (и, вероятно, вьет-мыонгов в целом) с парой птиц — Chim Âu và Cái Ủa (например, *Стратанович*, С.63).

²⁹ Для языков, которые Нгуен Тай Кан и другие вьетнамские лингвисты (например, Чан Чи Зой) обозначают как тхай-кадайские (Thái-Kadai), в работах на европейских языках используются обозначения тайско-кадайские или кра-дайские (варианты англоязычных наименований — Tai—Kadai, Daic, Kadai, Kradai, Kra—Dai). В работах китайских авторов эти языки называются чжуан-дунскими. В рамках нашей работы будут использоваться устоявшиеся в русскоязычной лингвистической литературе названия тайско-кадайские языки или сокращенно — тайские.

³⁰ *Nguyễn Tài Cẩn*, Тр.321.

³¹ В сказках мыонгов культурный герой часто женится на дочери властителя царства водяных змеев, живущих в «подводном мире» и олицетворяющих водную стихию (*Никулин Н.И.* Космологические представления мыонгов по фольклорным и изобразительным материалам // *Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении*. Москва. 1999. С. 161—177).

³² В произведениях вьетнамского фольклора Дух гор, Шон Тинь, также, как и прародитель-дракон Лак Лонг Куан, «обучает» народ земледелию. Однако, в отличие от Лак Лонг Куана, для Духа гор земледелие это не только рисоводство: «Однажды хозяин гор...заметил, что люди возделывают на полях лишь рис, а о таких растениях, как кукуруза, батат, маниок, даже и не подозревают. Шон тинь взял горсть семян этих растений, раздал их местным жителям и велел посеять, обещая прекрасное подспорье к рису» (*Кнорозова*, 2000, С.104).

Почитание духа гор в качестве покровителя земледелия до настоящего времени широко проявляется в ритуалах вьетнамских деревенских праздников на территориях, где располагалось легендарное государство Ванланг (см. *Nguyễn Xuân Cường, Lê Quốc Ông Khưu Bà Khưu*, Heritage. December, 2011. Тр.68—74).

Дух гор почитаем также среди мыонгов, которые считают его мыонгом по происхождению и именуют Великим духом горы Тан Виен (Đức thánh Tản Viên) или духом горы Ба Ви. (Thần núi Ba Vì).

³³ *Nguyễn Tài Cẩn*, Тр.321; Заметим, что «тяготение к поселению в долинах рек» отмечается как одна из характерных этнокультурных особенностей тайязычных народов (*Иванова*, С.67).

³⁴ Поскольку для значительной части этой общей тайско-вьетнамской лексики есть китайские соответствия, Нгуен Тай Кан не исключает, что источником заимствований мог быть и древнекитайский язык. Однако, если это и так, то вьетические языки могли заимствовать эти лексические единицы только через тайско-кадайские языки, т.к. непосредственных контактов между вьетическими языками и древнекитайским в ту эпоху не было (*Nguyễn Tài Cẩn*, Тр.322). При этом, в работах китайских исследователей последних десятилетий китайскую лексику, связанную с рисоводством, все чаще связывают с тайскими языками или т.н. «языком юэ», например, см. *You Xiuling*.

На наш взгляд, слова «рис» (gạo) и «горное рисовое поле» (rẫy) занимают особое место в этом списке общей тайско-вьетнамской лексики, т.к. фонетические формы этих слов во многих современных мон-кхмерских и тайско-кадайских языках позволяют предполагать связь с одними и теми же корневым морфемам.

³⁵ Эти морфемы используются для обозначения понятий «самец», «самка» в отношении некоторых видов птиц, в том числе домашних.

³⁶ *Nguyễn Tài Cẩn*, Тр.322; Некоторые исследователи полагают, что лексика, связанная с «прибрежной локализацией», в целом, изначально не была характерна для австроазиатских языков (см. *Sidwell, Paul*. The Austroasiatic central riverine hypothesis // *Вопросы языкового родства*. 2010. № 4. СС.117—134, С. 119).

³⁷ *Самарина И.В.* Процессы моносиллабизации в языках материковой Юго-Восточной Азии // *Вопросы филологии*. Москва. № 1 (25). 2007. СС.41—49, С.44—45

³⁸ *Haudricourt, André-Georges*. De l'origine des tons en vietnamien // *Journal Asiatique*. 1954. № 242. P. 69—82.

³⁹ Самым авторитетным в этом ряду исследователей был французский синолог А.Масперо, обратившийся к изучению языков, распространенных на юге Китая и во Вьетнаме, — тайских и вьет-мыонгских. Ему принадлежат такие классические труды по историческому языкознанию языков региона, как «Некоторые вопросы изучения фонетической системы тайских языков» (1911 г.) и «Исследования исторической фонетики аннамитского языка: инициали» (1912 г.).

⁴⁰ *Nguyễn Tài Cẩn*, Тр.323

⁴¹ *O'Harrow*, 1986, P.254

⁴² Ibid., P.255—256

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Например, в монографии А.И.Мухлинова «...сделана попытка обосновать автохтонное происхождение вьетнамского этноса и опровергнуть весьма распространенное в научной литературе мнение о вьетнах Вьетнама как переселенцах...» (Мухлинов А.И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. Москва. 1977. С. 4).

Понятие автохтонности подразумевает исконную принадлежность к конкретной территории. При этом данные палеоантропологии свидетельствуют о том, что в древнем и среднем каменном веке на территории Вьетнама преобладали океанийско-экваториальные расовые типы, которые постепенно к началу эпохи бронзы «растворились» в результате усиления монголоидных компонентов и сложения южно-монголоидного расового комплекса (Аксянова Г.А., Золотарева И.М. Этническая антропология Вьетнама: расогенетический аспект // Расы и народы. Вып.19. Москва. 1989, СС.48—66; С.56—57). Т.о. археологический материал, не отрицая культурной преемственности между каменным веком и эпохой металла на территории Вьетнама, с очевидностью свидетельствует о массовой миграции на эту территорию монголоидного населения. В таком контексте понятие автохтонности, на наш взгляд, теряет свою релевантность: как и во многих других районах древнего мира, на территории Вьетнама в эпоху древности под влиянием миграций активно проходили процессы межэтнического и междрасового взаимодействия.

⁴⁵ Например, Лескинен А.Н., Нго Дык Тхинь. Вьетнамцы. Народы и религии мира. Энциклопедия. Москва. 2000. С.127—128

⁴⁶ Например, Деопик Д.В. История Вьетнама. Учебник. Москва. 1994, С.7

⁴⁷ Taylor, P.10

⁴⁸ Связи современной вьетнамской морфемы «лак» с вероятными древними формами со значением «вода» прослеживаются как на материале вьетических, т.е. мон-кхмерских, языков, так и на материале тайско-кадайских языков.

Во вьетических языках возможна следующая реконструкция: $\text{pi}^{\text{b}}\text{c} < \text{nas} < \text{dac} / \text{lac} / \text{gac}$, где dac соответствует современному мыонгскому слову со значением «вода» ($\text{da}^{\text{a}}\text{c}$), а фонетические варианты lac / gac возможны во вьетнамских и мыонгских диалектах и говорах. Ре-

конструкция протовьетической формы со значением «вода» — $*d^{\text{a}}\text{k}^{\text{a}}\text{.}^{\text{a}}\text{.}^{\text{a}}$???

Прототайско-кадайская форма со значением «поднимающаяся и опускающаяся вода» — $*\text{tak} / *t(\text{r})\text{ak}$. Отсюда, вероятно, происходит употребляемое в диалектах вьетнамского языка слово $\text{gac} / \text{g}^{\text{a}}\text{c}$ ($\text{ng}^{\text{u}}\text{oc} \text{ g}^{\text{a}}\text{c}$ — понижение уровня воды, отлив), которое вполне могло принять ханвьетскую фонетическую форму lac .

⁴⁹ Термин лак-поля был предложен Э.Гаспардоном (*Gaspardon, Emile*. Champs Lo et Champs Hiong // *Journal Asiatique*. № 243. Paris. 1955, PP.461—477). Границы зон, в которых ощущается действие морских приливов в дельте Красной реки в сухой сезон и сезон дождей, показаны на карте, составленной П.Гуру и воспроизведенной в книге К.Тэйлора «Рождение Вьетнама» (*Taylor, P.11*, по материалам *P. Gourou*, *Les Paysans du Delta Tonkinois*. P. 1936, P.78).

⁵⁰ См. сноску 28 об этногенетических мифах мыонгов.

⁵¹ См. сноску 32 о сюжетах, связанных с Духом гор в фольклорных произведениях и ритуалах вьетнамцев и мыонгов.

⁵² Taylor, P.307

⁵³ Мухлинов, С.147; Barlow, Jeffrey.

⁵⁴ Мифы о происхождении от дракона характерны для некоторых тайских народов Южного Китая (Кнорозова, 2000, С.177—178)

⁵⁵ Taylor. P. 43.

⁵⁶ Dang Nghiem Van. About the Ethnonyms of Ethnicities and Local Groups in Vietnam // *Ethnological and religious problem in Vietnam*, Hanoi, 1998, P. 111—159, P. 142—143.

⁵⁷ Мухлинов. С. 161.

⁵⁸ В 1996 г. территория провинции Виньфу была поделена между провинциями Футхо и Виньфук.

⁵⁹ Ibid. С. 165.

⁶⁰ Taylor. P. 306.

⁶¹ Ibid.